

Узлов Юрий Андреевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ
ПОЛЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Аннотация:

В данной статье рассматривается история колонизации Северного Причерноморья европейскими государствами и социокультурные последствия этого события.

Ключевые слова:

итальянские республики, черкесы, греки, армяне, итальянцы, экономические связи, поселения, торговые центры.

Uzlov Yuriy Andreevich

PhD in History,
Associate Professor of History and Cultural Studies
Kuban State University

**THE NORTH CAUCASUS
IN A CULTURAL-HISTORICAL FIELD
OF THE EUROASIAN CIVILIZATION**

Summary:

In given article the history of colonisation the North of Black Sea Coast by the European states and sotsiokulth consequences of this event is considered.

Keywords:

the Italian republics, Circassians, Greeks, Armenians, Italians, economic relations, settlements, shopping centres.

Территория Юга России на протяжении веков являлась одним из межконтинентальных рубежей, разделяющих цивилизации Европы и Азии. Действуя по принципу избирательного фильтра, аккумулируя громадный и чрезвычайно разнообразный потенциал международных отношений, Юг России сыграл важную роль в становлении Российского государства. В этом процессе одно из ведущих мест принадлежит региону, который всегда выделялся очень высокой интенсивностью этнокультурных контактов на протяжении всей известной своей истории. Процесс этногенеза здесь уникален, и в человеческой истории не было более подвижной и открытой для взаимопроникновения социокультурной парадигмы, с глубокой древности, представлявший собой весьма сложную структуру, вариативность составляющих компонентов в привычных пространственно-временных рамках.

На протяжении трех тысячелетий на обширных пространствах Кавказа складывался и получал импульс до настоящего времени особый вариант межэтнических отношений. Никогда в прошлом Северный Кавказ не был населен этносоциальным организмом одного рода, языка, культуры и быта, здесь всегда налаживали связи и отношения, вступали во многомерные взаимодействия несколько этнокультурных массивов. Чрезвычайная сложность, но одновременно и исключительная плодотворность долгой цепи различных контактов порождали феномен постоянной полиэтничности. На протяжении обозримой истории различные этносы контактировали, взаимодействовали, сохраняя собственную уникальность.

Северный Кавказ в силу своего геополитического положения прошел сложный и противоречивый путь развития. Территория, богатейшая сырьевыми ресурсами, оптимальными природно-климатическими условиями, наличием сухопутных и морских коммуникаций, соединяющих Европу и Азию, всегда занимала особое геоэкономическое и стратегическое положение в мире.

В настоящее время, перед отечественной наукой стоит задача переосмысления культурно-исторического развития России как составной части мировой цивилизации.

Особенности поликонфессиональности и сосуществования многочисленных этносов нашей страны ряд исследователей предлагает искать в «многоцветье культур региона, в опыте сожительства русских, адыгов, кабардинцев, балкар и десятков других народов Юга России» [1]. Появление полемических исследований, новых методологических подходов к изучению и оценкам локальных и самобытных культурно-исторических цивилизаций Северного Кавказа придает дополнительную значимость проблемам данного исследования [2].

Проблемы истории Северного Кавказа затронуты в фундаментальных работах Н.М. Карамзина, А.В. Соловьева, В.Н. Татищева, кубанских исследователей Е.Д. Филицина, Ф.А. Щербины, Н.И. Веселовского и других. Среди современных ученых наиболее весомый вклад внесли А.А. Миллер, Б.А. Рыбаков, В.Д. Блаватский, А.Л. Монгайт, М.И. Артамонов, С.А. Плетнева, А.К. Коровина, Э.Я. Николаева, А.В. Гадло, О.В. и И.Н. Богословские, Б.А. Трехбратов и ряд других историков.

История колонизации Северо-Западного Кавказа европейскими странами в XIII–XV вв. нашла свое отражение в научных трудах Н.В. Анфимова, Б.М. Джимова, Р.Х. Емытля, Е.С. Зевакина и Н.С. Пенчко, Р.Н. Кация, Е.Д. Фелицына [3].

Генуя и Венеция, начиная с XII столетия, представляли собой наиболее развитые в экономическом отношении европейские государства. Они имели демократическое республиканское устройство и управлялись выборными лицами. В деле морской торговли с ними не могло поспорить ни одно из государств средиземноморского региона. Генуя и Венеция контролировали большую часть рынка хлебопродуктов, пряностей, оружия, строительных материалов и работорговли.

В бассейн Черного моря генуэзцы и венецианцы, а с ними пизанцы, флорентийцы, тосканцы и прочие итальянские коммерсанты стали проникать еще в XII в. В 1169 г. генуэзцы первыми добились от императора Мануила I Комнина важнейшего для себя указа, по которому им разрешалось торговать в Черном море. В 1204 г. крестоносцы оккупировали византийский Константинополь и разграбили все торговые заведения и склады итальянцев. В период с 1204 г. по 1260 г., когда существовала так называемая Латинская империя – государство крестоносцев со столицей в Константинополе, итальянские коммерсанты из-за огромных пошлин не могли вести дела в Черном море.

В 1260 г. византийцы все это время отсиживавшиеся в Трапезунде, во главе с императором Михаилом Палеологом, сумели изгнать крестоносцев из своей древней столицы и восстановили Византийскую империю. Успешная военная операция была осуществлена при поддержке генуэзского флота, и уже в 1260 г. между Генуей и Византией был заключен договор, которым Михаил Палеолог предоставил генуэзцам монопольное право на торговую деятельность в Черном море. Договор, получивший название Нимфейского трактата (1261), давал некоторые ограниченные возможности для коммерции и другим торговым республикам Италии. Этим воспользовались пизанцы, основавшие свое торговое поселение в Азовском море. В 1265 г., опасаясь чрезмерного усиления позиций Генуи, Михаил Палеолог допустил в Черное море и венецианцев. Тем не менее лидирующие позиции в регионе Черного моря остались за представителями Генуи [4, с. 7].

Итальянские колонии представляли собой укрепленные поселения, торговые центры, возникшие в XII–XIII вв. на Азовском и Черноморском побережьях между Таной в устье Дона и Сибастополисом, на окраинах Византийского государства и Монгольской империи.

В 1266 г. по договоренности с правителем Крыма Мангу-ханом Генуэзская республика приобрела на Южном берегу Крыма участок земли и основала на этой территории свою первую колонию, которой и суждено было стать со временем административным центром черноморских владений республики и крупным международным торговым портом. Свое первое поселение генуэзцы разместили недалеко от того места, где была античная Феодосия. Урочище, где расположились генуэзцы, называлось Кафа, это название и было перенесено на поселение итальянцев.

За короткий срок генуэзцы освоили Южный берег Крыма. Следующим этапом колонизации были побережья Кавказа и Приазовья.

Кавказские колонии тянулись длинной узкой полосой от Тамани (Матрега) до Сухуми (Сибастополис). Здесь проходил путь, связывающий Черноморье с Центральным Кавказом и Грузией, где у генуэзцев были опорные пункты. В Приазовье итальянцы обосновались в устье Дона (Тана) и лежавших на пути к нему Бальзамахи (р-н современного Ейска) и других населенных пунктах на Азовском побережье Северо-Западного Кавказа.

Помимо Северного Причерноморья, генуэзцы разместились и на юге Черноморского бассейна, на территории современной Турции. Основанные ими ранее фактории Трапезунд (Трабзон), Эрзрум, Синоп и другие играли важную роль в торговых контактах с Передней Азией. Трапезунд был своеобразными воротами кратчайшей и хорошо обустроенной дороги для транзитной торговли с Ираном, Индией, Китаем.

Как проходил процесс колонизации, о взаимоотношениях европейцев с местным населением в средневековую эпоху мы можем судить по сказаниям и былинам, археологическим находкам, средневековым картам, запискам путешественников и дипломатов, свидетельствам миссионеров, документам официальных и частных.

Итальянские карты, самая древняя из которых относится к 1313 г., свидетельствуют о протяженности и глубине проникновения генуэзцев на Северный Кавказ. Карты пестрят названиями бухт, кос, заливов, рек, населенных пунктов. Важно отметить, что именно итальянские колонисты первыми познакомили европейцев с Зихией или Черкесией (приморской частью Северо-Западного Кавказа).

Свидетельством заинтересованности итальянских республик в экономических связях с Крымом и Кавказом служат сохранившиеся акты нотариальных контор, оформлявших торговые и иные сделки, переписка колониальной администрации с правительством Генуэзской республики, устав Кафы, определявший суверенные права кафской администрации и статус колоний, дневники путешественников, содержащие важные сведения о социально-экономическом и политическом положении в регионе.

Итальянская колонизация преследовала вполне конкретную цель – организацию посреднической торговли между Востоком и Западом. Как следует из многочисленных документов, одним из главных торгово-экономических партнеров Генуи на Кавказе стала Зихия.

На территории между Таной (Азов) и Севастополем, заселенной в те времена черкесами, в XIII–XV вв. насчитывалось 39 торговых поселений генуэзцев. Все они в большинстве своем размещались в приморских населенных пунктах. Итальянцы поселялись исключительно с согласия местных князей или вождей. Торговые поселения платили дань зихским предводителям и не обладали правом экстерриториальности. Таким правом, которое определялось спецификой географического положения, обладала только Кафа.

Что касается Восточного Крыма, то он был вне пределов Зихии и формально еще не являлся частью Татари. Это положение к своей выгоде использовали итальянцы. Администрация Кафы имела возможность для политического маневра, опираясь на поддержку черкесов против татар, и на поддержку татар в случае недоразумений с черкесами.

Однако, несмотря на высокую экономическую значимость, генуэзские поселения имели низкий политико-юридический статус. В ряде поселений не было даже официального представителя колониальной администрации. Так, консул отсутствовал в Матреге, хотя этот город и по месту своего расположения и по числу жителей был наиболее значимым пунктом Зихии. Причину такого положения объясняют итальянские источники. Они связывают отсутствие здесь генуэзского консула зависимостью Матреги от местного зихского князя.

Матрега, Матарха или Таматарха являлся древним зихским городом на Таманском полуострове, на месте древней Гермонассы. С древних времен здесь сложились традиции транзитной торговли с Западом. Впервые итальянцы посетили Матрегу в XII в. Именно во время итальянской колонизации в начале XIV в. она стала большим, оживленным и пестрым по этническому составу населением городом-портом. Город служил важным связующим звеном с окрестными племенами. Из него шли на Запад воск, кожи, хлебные злаки, меха и другие товары, свозимые горцами на местный рынок для обмена. Город обеспечивал доступ европейцам к рыбным богатствам Приазовья.

Из-за мелководья Азовского моря, купеческим судам, следовавшим за рыбой к устью Дона, приходилось останавливаться в матрегском порту и перегружать свои товары на мелкие суда. То же им приходилось проделывать и на обратном пути. Из Матреги шли на Запад и складированные в Тане восточные товары.

Матрега во всех отношениях имела не только экономическое, но и стратегическое значение. Расположенная на кавказском берегу Керченского пролива, она обеспечивала прямую, круглогодичную связь с другой колонией на противоположном крымском берегу пролива Боспоро (Керчь).

Матрега была не только экономическим, но и религиозным центром, резиденцией греческого митрополита в Зихии. Итальянские путешественники XV в. отмечали, что некоторые племена черкесов (адыгов) исповедовали православие и не знали еще ислама. В XIV в. римско-католическая церковь стремилась утвердить свое влияние в регионе и создала здесь свою епархию. Однако вытеснить греческую церковь ей не удалось.

Копа, Копарио или Ла-Копа как колония была основана в начале XIV в. недалеко от устья Кубани, на ее правом берегу. Это также был старый зихский город. Археологические и письменные источники указывают, что основным занятием жителей на протяжении столетий был рыбный промысел. Рыба и икра были доходными статьями экспорта как в древние времена, так и в средние века. На специальных судах рыба вывозилась в малоазиатские и средиземноморские порты.

Мапа – старинный город, расположенный на месте античной Горгии. Город был важен в колониальной политике не столько как пункт товарообмена с местным населением, сколько той ролью, которую он играл в организации транзитных торговых связей. Здесь проходила знаменитая «генуэзская дорога», хорошо обустроенная и охраняемая, связывающая Восток с Западом.

Вся территория от Дона до Кубани с имевшимися там причалами и поселениями, такими как Иль Пеше, Санта Круче, Бальзимахи, Сан-Джоржио, Лотар, находилась во владении черкесских князей. Благодаря итальянским источникам известны сегодня имена таких зихских князей, как Бельзубук, Парсабок, Биберд, Кертибей, Петрезок.

В Матреге и на Таманском полуострове в середине XV в. правили зихские князья Костомох и Кадибелд. Некоторые черкесские князья владели землями даже в Восточном Крыму. Среди таковых фигурирует Верзахт, состоявший в переписке с папой Иоанном XXII, усердный приверженец католической веры и правитель Воспоро в 1320-х гг.

С 1379 г. по 1386 г. золотоордынским наместником Крыма был еще один зихский князь, известный как Зихий-Геркесий, Джаркас, Черкес-бек или Жанкасисус-Зих, чья резиденция располагалась в Солгате. В 1379 г. он понуждал администрацию Кафы провести мобилизацию ополчения в поддержку Мамаю на Куликовом поле. Но администрация колонии отказалась собрать

ополчение. Тогда Черкес-бек приказал разорить в 1380 г. 18 селений из округа Кафы в наказание. После смерти Мамай он продолжал править и при Тохтамыше. Его подпись стоит под договором между Золотой Ордой и Кафой. Согласно 6-му пункту этого договора он обязывался возвратить ранее аннексированные им 18 селений. То обстоятельство, что Черкес-бек, или Жанкасиус-Зих, сохранял свое наместничество при столь враждебных друг другу правителях Золотой Орды, как Мамай и Тохтамыш, свидетельствует о значительной степени его самостоятельности.

Помимо Черкес-бека (Жанкасиус-Зиха), Верзахта, Милена, известен еще один черкесский князь, возвысившийся на сопредельной Черкесии территории. В 1358 г. упоминается некий Сихабей (Зихабей), который являлся золотоордынским наместником в Тане.

Копа в 1440-х гг. управлялась князем Уздемороком, который, по всей видимости, был старшим или верховным князем западных областей Зихии. С таким же высшим титулом в 1471 г. фигурирует князь Петрезок. В Копарио на протяжении XV в. фигурирует Берзехух, его супруга Борунда, обладавшая большой властью, и их сын Камбелот.

В Матреге XV в. сначала правит некий Березок, отец могущественной Бика-Катон, власть от которой унаследовал ее сын от брака с Виккентием де Гизольфи, Закаррия де Гизольфи. Кадибелд в 1457 г. изгнал Гизольфи из Матреги, но спустя некоторое время разрешил ему вернуться.

Миссионерская деятельность католиков являлась немаловажным орудием в руках итальянских колонизаторов в Причерноморье и на Западном Кавказе. Католические миссионеры устремились на Восток, прокладывая пути для торгового капитала. Крым и Кавказ служили лишь переходной ступенью к более отдаленному Востоку.

С VII–VIII вв. папство начало стремиться к мировому господству. В начале XIII в. были основаны ордены францисканцев и доминиканцев, главным образом для миссионерских целей. Эти органы сделались важным рычагом деятельности римского миссионерства вплоть до XVI в., когда на смену им явились иезуиты. В 1252 г. папа Иннокентий IV организовал из монахов этих орденов «Общество братьев-путешественников ради Иисуса Христа» – первое миссионерское католическое общество.

Однако на Кавказе им пришлось столкнуться с миссионерской деятельностью греков, которые задолго до первых католических миссионеров проникли к горским народам Северного Кавказа. Последние фигурируют в средневековых источниках под именем «алан». Аланы были христианским народом от начала X до второй половины XV в. Аланская епархия была создана миссионерами Ефимием и Петром. В конце XIII в. аланская митрополия соединяется с зихской. В 1317–1318 гг. митрополию возглавляет самостоятельный митрополит Зихии с титулом зихо-матраха. В 1235 г. доминиканец Юлиан, проезжая через Матрегу, застал там население, исповадовавшее христианство греческого толка [5, с. 119].

Таким образом, к моменту появления католиков христианство греческого направления, распространяемое Византией, охватило уже многие народы Кавказа.

К 1333 г. относится письмо Папы Римского Иоанна XXII к черкесскому князю Верзахту, который был обращен в католичество падре Франческо ди Камерино, проповедовавшим в Воспоро. В письме папа благодарил князя за «усердие» в пользу католицизма. Проповедь католицизма на том этапе, по всей видимости, имела определенные успехи. В начале XV в. Зихии располагался католический архиепископ с резиденцией в Матреге и две епископские кафедры. Францисканец Иоанн, первый католический епископ, появившийся в Черкесии в 1349 г., был по своему происхождению черкесским аристократом. В ранг епископа он был возведен во время своего пребывания в Риме папой Клементом VI в 1346 г. [6, с. 24].

Взаимоотношения между черкесами и гегуэзцами характеризует и то обстоятельство, что даже в Кафе, не говоря уже о поселениях в Зихии, регулярное единственное военное подразделение – так называемые оргузии – комплектовалось из черкесских наемников. Эти черкесы образовывали городскую конную полицию, имели солидное жалование, позволявшее даже вести скромные торговые операции. Филипп Брун считает этих оргузию черкесами на том основании, что «в уставе они также называются казаками, тогда как под последними нельзя разуметь ни русских, ни татар». В связи с этим представляет интерес замечание Эдмунда Спенсера: «Вероятно, черкесы, которые на протяжении веков вели полувоенный, полубандитский образ жизни и бывшие одновременно телохранителями султанов Египта, Турции и крымских ханов, были известны окружающим народам под этим названием, которое давалось каждому племени, ведущему такой образ жизни». Период XIII–XV вв. характеризуется массовой миграцией черкесов в регион среднего Поднепровья (Запорожья), получившего в связи с этим название Черкесия.

За все 209 лет гегуэзско-черкесских взаимоотношений не произошло ни единого вооруженного конфликта, инициаторами которого были бы князья Зихии, консулы Кафы или власти Генуи. Подобное положение можно объяснить большой заинтересованностью обеих сторон в

торговле. И если черкесские князья в силу своей ментальности гнушались ремеслом коммерсанта, то для генуэзцев это занятие было делом всей жизни. Они органично заполнили ту социальную нишу Зихии, которую всегда и до них, и после них заполняли иностранцы.

Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что Матрега, Копа, Мапа и другие территории Северо-Западного Кавказа были особым типом колоний. С одной стороны, они являлись феодалным или полуфеодалным владением местного или генуэзского князя, стремившегося к большей самостоятельности. С другой стороны, они подчинялись Кафе – административному центру всех генуэзских колоний Северного и Восточного Причерноморья и Приазовья.

Генуэзцы, испытывая постоянное давление со стороны знати местных племен, вынуждены были «делегировать» ей часть властных полномочий. Такие колонии, как Матрега, Мапа, Копа находились в определенной зависимости от племенных князей, что было зафиксировано Уставом Кафы. Тем самым генуэзцы хотели видеть в лице местной аристократии гаранта безопасности своих экономических и политических интересов.

Как отмечалось, колонизация Северо-Западного Кавказа, как и всего Причерноморья, осуществлялась в основном через посредническую торговлю, которой генуэзцы монопольно владели, опираясь на договор 1261 г. и другие соглашения с Византией. Купцы закупали и продавали через свои торговые пункты в Причерноморье и Приазовье зерно, соль, кожи, меха, воск, мед, лес, рыбу, икру, завозили сукно из Италии и Германии, масло и вина из Греции, пряности и драгоценные камни, мускус из стран Азии, слоновую кость из Африки.

Исторические хроники сообщают, что итальянские купцы производили торговые операции и в русских землях. Выходцы из причерноморских колоний – «фрязи» – жили в Москве, где в XIV–XV вв. действовала корпорация купцов «сурожан», специализировавшихся на торговле с генуэзскими колониями Северного Причерноморья».

Колониальная торговля с местным населением носила преимущественно меновый, (натуральный) характер, что было связано с особенностями хозяйства народов Северного Кавказа, еще слабым развитием рыночных отношений. Так, у адыгов того времени отсутствовало купечество, и эту миссию выполняли проживавшие здесь греки и армяне.

Однако натуральный обмен не исключал и денежного обращения. Единицей обмена служил бокассин – мера ткани для пошива мужской рубахи. По Уставу до 1453 г. Кафа еще не имела права чеканить свою монету. Такое право было получено после передачи прав на управление генуэзскими колониями Северного Причерноморья банку Сан Джорджио. В книгах массарии за 1469 г. фигурирует «пробирщик монетного двора города Кафы». На аспрах XV в. чеканились слово «Caffa» и инициалы консула с изображением генуэзского портала и на обратной стороне татарская тамга. Наряду с аспрами в черноморских колониях имели хождение *sommi* – первоначально серебряные бруски определенного веса и соответствовали от 150 до 200 аспров. Купцы, заключающие контракт на закупку товара, обозначали денежные суммы в аспрах – «барикатах» (серебряная монета по имени крымского хана Берке), имевших хождение в Крыму [7, с. 96].

Одним из наиболее заметных моментов колониальной политики европейских государств в эпоху Средневековья была работорговля. В рамках рассматриваемой темы эта проблема приобретает особую значимость в связи с тем, что она напрямую связана с пополнением армии мамлюкского султаната.

Как отмечают исторические хроники, наряду с возрастанием товарооборота в итальянских колониальных владениях в бассейне Черного моря, наблюдается и рост вывоза «живого товара», особенно в Египет.

Широкий размах этот бизнес приобрел в эпоху поздних Аййубидов. В 1262 г. султан Бибарс I заключил договор с императором Михаилом VIII Палеологом, согласно которому мамлюки получили свободный доступ в Черное море. В том же году аналогичный договор с Михаилом VIII заключил султан Калаун. В связи с чем в Кафе было учреждено специальное бюро султанских агентов по закупке рабов в черноморских портах.

Византия оказалась не в состоянии противостоять генуэзско-мамлюкскому альянсу. Попытки воспрепятствовать работорговле предпринимались со стороны римских пап и кипрских королей. В 1311 г. в Вене папа Климент V и король Кипра Генрих II де Лузиньян заключили соглашение о совместных действиях с целью воспрепятствовать ввозу черноморских рабов в Египет. Как отмечает Шарль Верлинден, эта уния была направлена не столько против мамлюков, сколько против генуэзцев. Указанное соглашение создавало определенные барьеры по доставке рабов в Египет не только генуэзскими, но и вообще христианскими коммерсантами в 1317, 1323, 1329, 1338, 1425 гг. Однако эффективность указанных действий оказалась крайне низкой. Итальянцы сохранили за собой значительную часть рынка черноморской работорговли.

Более того, в 1379 г. между Генуей и султанатом Каира Хаджи II было заключено очередное соглашение, регулировавшее перевозку мамлюкского пополнения. По кафским источникам

только за один 1440 г. было доставлено около 2000 рабов. В основном это были черкесы, русские и татары.

В 1431 г. султан Барсбай заключил с администрацией Кафы соглашение, которое позволяло его агентам беспрошечно вывозить приобретенных в этом городе невольников. Бертрандон де ла Броквиер, бургундский аристократ, посетивший Палестину и Сирию в 1432 г., сообщает о представителе султана Барсбая в Кафе, генуэзце Джентиле Империаале, которого он встретил в Дамаске. Характерно, как и в Зихии, генуэзцы выполняли ту же роль коммерческих агентов у черкесских аристократов Египта. На всем протяжении своего существования генуэзская Кафа (1266–1475) была тем перевалочным пунктом, через который осуществлялась беспрепятственная поставка пополнения для армии мамлюкского султаната [8, с. 92].

Обстоятельством, омрачавшим стратегическое партнерство Зихии и Генуи, был морской разбой, учинявшийся представителями никому не подчинявшихся вольных черкесских обществ Кавказа. Многочисленные соглашения, которые заключали консулы Кафы с князьями Зихии, нарушались горцами. Зихи, керкеты, ахеи и гениохи были известны своим пиратством еще в античную эпоху. Наибольшую активность они проявляли в районах интенсивного судоходства, перехватывая галеры на пути в торговые порты Причерноморья. Как отмечают некоторые исследователи, разовая добыча могла составлять на сумму в 50 000 аспров.

Администрация колоний оказалась неспособной положить конец морскому разбою пиратов. Это объяснялось тем, что последние, как и в античные времена, были тесно связаны с князьями равнинной части Черкесии. Временами подобные действия «корсаров» приводили к почти полному параличу торговли. Известен один случай, когда администрации колоний удалось вернуть захваченное имущество. Это следует из документальных записей нотариуса Кафы за 1290 г., где содержится контракт морского капитана Вивальдо Лаваджио, командовавшего одной из галер Аргун-хана, монгольского правителя Ирана, чьи владения выходили через территорию Грузии и Мингрелии к Черному морю. Нотариус пишет, что капитану удалось отнять у местных корсаров товары, ранее награбленные ими с кораблей армянских и греческих коммерсантов.

В литературе известны многочисленные примеры, дающие представление о размахе пиратского промысла в Северном Причерноморье. Лаоник Халькокондил, автор Византийской истории (1298–1463), пишет о нападении черкесов на Трапезунд в 1458 г. под предводительством некоего Артабила. В донесении венецианского посла в Персии Винченцо ди Алессандро за 25 июля 1572 г. из г. Конья сообщается, что «черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разрушили за 300 миль отсюда все поселения побережья, разорили турецкие виноградники и перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары, вследствие чего опасаются, как бы они не пришли в этот город. Из Трапезунда были снаряжены 6 вооруженных галер для защиты этой местности, с приказом от султана Селима не выходить из порта, но сторожить только город, так как боялись, что черкесы еще больше увеличат число своих кораблей. Посол добавляет: «Мне было указано держать путь на Грузию и в Черкесию, но из-за боязни тех корсаров я повернул обратно» [9, с. 87].

Характер и дух генуэзско-черкесских отношений демонстрирует и сама история местных правителей Копарио – Бельзубука и Парсабока. Копарио, где в конце XIII в. осело большое число генуэзских коммерсантов, имел к тому времени уже долгую историю. В античный период здесь располагается синдский город, в пределах которого находилось и торговое эллинское поселение. В XII в. в Константинополе выходцы из Копарио имели одноименное фондако (торговое подворье). Копарио был наиболее крупным после Матреги городом Зихии. Каждый год в апреле – мае здесь устраивалась грандиозная ярмарка. Однако Копы была весьма далека от того, чтобы считаться спокойным поселением, являясь яблоком раздора для местных зихских вождей. Причиной тому был тот факт, что многие жители Копы являлись должниками кафских кредиторов. Такая неспособность колониальной администрации взыскать долги либо арестовывать самих должников была результатом противодействия самих местных феодалов, защищавших своих подданных от европейцев. Да и сама черкесская знать не всегда выполняла свои долговые обязательства, ограничивались лишь обещаниями возратить долги. Так, князь Копы Белзубук на протяжении 60-х гг. XV в. постоянно обещал арестовать и отослать в Кафу всех должников, что так и не было им исполнено. В 1470 г. он вообще отказался платить долги.

Длительная тяжба по поводу долгов привела к ситуации, когда администрация колонии и местное население района Копы оказались на грани вооруженного конфликта. В 1471 г. администрация Кафы с целью защиты груза от возможных нападений со стороны местного населения вооружила фусту для охраны торговых судов, направлявшихся в Копы. Это обстоятельство еще более ухудшило отношения между сторонами. Нападения на торговые караваны стали еще более частыми, отчасти и по той причине, что князь Белзубук перестал уделять внимание их охране. Администрация Кафы была вынуждена пойти на крайнюю меру и запретила всем членам

генуэзской общины иметь дела в Копе. В связи с возникшей ситуацией консул сообщал в Геную: «Что касается убыткам, которыми зихи ежегодно угрожают нашим купцам и гражданам в Копарио, решено было нами воспретить туда доступ кому бы то ни было, до тех пор, пока удастся вступить с зихами в какое-либо соглашение» [10, с. 98].

Администрация Кафы надеялась, что таким образом вынудит князя соблюдать долговые обязательства. Спустя некоторое время, это был 1471 г., консулы сообщали, что успех был обеспечен из-за того, что зихи в Копе остались без соли. Этот продукт традиционно поставлялся им иностранными торговцами, в данном случае генуэзцами Кафы. Отсутствие соли сделало невозможным заготовку рыбы, которая была основным продуктом и питания, и экспорта жителей Копы. Последующие события показали, что прогноз был правильным.

Консул Кафы Оберто Скварчафико сообщал по этому поводу в Геную: «Удалось устроить все по нашему желанию и заключить соглашение с князьями Биберди и Белзebuком, и Петрезюком. Другой консул Кафы Филиппе Кьявройа также поспешил отписать в Геную о соглашениях, заключенных к великой выгоде наших купцов с местными князьями Зихии» [11, с. 98]. Кафской администрации удалось договориться в частности с Петрезюком, по всей видимости, правителем какого-то крупного зихского объединения, с князем Биберди, область которого документ не называет, и с князем Белзebuком, непосредственным правителем Копы. Биберди, фигурирующий в сообщении 1471 г., может быть сопоставлен с черкесским князем Бибердом, о котором около 1452 г. сообщает Иосафат Барбаро. Как только было достигнуто соглашение, множество торговых судов немедленно отправились из кафского порта в Зихию, а администрация колоний направила в Копу своего представителя. Однако последующие события показали, что оптимизм консулов по поводу достигнутого соглашения с местными князьями был преждевременным. Некий Парсабок, описываемый как еще один правитель Копы, вероятно, соправитель или сюзерен Белзebuка, конфисковал товары генуэзцев. Протекторы предписали консулам Кафы возместить убытки потерпевшим, но в то же время запретили дальнейшую блокаду Зихии. Генуэзцы были вынуждены пойти на переговоры и с Парсабоком. По поводу заключения договора протекторы писали в декабре 1472 г. консулу Кафы: «Мир, заключенный вами с князем Копы Парсабоком, на условиях, вами описанных, считаем полезным...» [12, с. 99].

Переписка по этому поводу продолжалась и на следующий год. 30 июля 1473 г. протекторы писали кафскому консулу: «Весьма радуемся тому, что вы имеете вести от князя Зихии и что наши купцы, надеясь на выгодное дело, отправились в Копу».

Приведенные выше документы официальных лиц, бесспорно, свидетельствуют о том, что торговля Генуи с Зихией была настолько выгодна, что, несмотря на определенный риск и очевидные финансовые потери, итальянцы упорно стремились поддерживать прочные торговые отношения.

Через некоторое время Парсабок преподнес еще один неприятный сюрприз для Кафы и Генуи. Войдя в тайное соглашение с неким лицом, доставившим на своих судах ему все необходимые материалы для постройки замка в Копе. Возведение крепости не возымело на соплеменников князя никакого впечатления, ибо в черкесских понятиях возведение башни или крепости считалось проявлением слабости. Но на европейских обитателей Кафы оно оказало тягостное впечатление. Администрация Кафы пыталась воздействовать на строптивного князя, используя финансовые ресурсы и связи с местными феодалами, заявляя, что усиление Парсабока угрожает не только торговле, но и всему региону.

Последствия демарша колониальной администрации остается неизвестным. Однако прецедент, созданный Парсабоком, породил специальный указ банка по всем генуэзским колониям Северо-Западного Кавказа, запрещавший продажу или перевозку камней, строительного леса, железа и всего прочего, что может быть использовано местными правителями для возведения крепостей. В этом же документе содержится пункт, запрещающий подданным Генуи торговать с Парсабоком и его вассалами. Однако указ был вскоре нарушен. Выгоды торговли с лихвой перекрывали все неудобства и опасности.

Необходимо обратить внимание и на вопрос о том, как воспринимали европейцы многочисленные племена на территории Северо-Западного Кавказа, с которыми приходилось сталкиваться на протяжении длительного периода колонизации. Многочисленные источники сходятся во мнении, характеризуя черкесов как племя, мужественное и коварное одновременно. Подробно о воинственности и коварстве зихов писал венецианец Иосафат Барбаро. В переписке между Кафой и Генуей за 1473 г. зихи сопровождаются эпитетом «коварные». Статут Кафы ввел даже обязательное отчисление средств на укрепление стен в Тане со стороны Зихии. Те татары, которые отважились совершать набеги на черкесов и русских, заслуживали у Амброджио Контарини определение «безумных храбрецов». Татары вообще избегали появляться в Черкесии без особой на то нужды и путешествовали из Крыма в Астрахань, минуя Зихию.

Джоржио Интериано, проживавший в Зихии последнюю четверть XV в. писал в своих воспоминаниях о том, что черкесы совершали постоянные набеги на Крым, и констатировал, что «горстка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они высказывают больше храбрости».

Мнение о черкесах итальянцы не изменили и к XVII в. Эмиддио д. Асколи, глава доминиканской миссии в Крыму в 1624–1634 гг., писал: «Черкесы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их «черкес спага», что значит благородный, конный воин» [13, с. 105].

Император Трапезунда Давид в своем письме герцогу Бургундии, Филиппу (апрель 1439 г.) называет зихов в числе своих союзников в готовящемся крестовом походе против османов.

Особое значение Зихии в системе международных отношений в бассейне Черного моря того времени было обусловлено еще одним существенным обстоятельством. Зихия являлась одним из основных поставщиков зерна в Византийскую империю, начиная с 1071 года, когда в результате поражения у Манцикерта Константинополь лишился всех основных сельскохозяйственных районов Анатолии, которые были заняты сельхозугодиями. С этого же периода ввоз зерна из Зихии стал жизненно необходимым для византийских городов южного Причерноморья. Трапезундская империя (1204–1461) вместе с расположенными на ее землях генуэзскими поселениями была отрезана сельджукскими и османскими эмиратами от своей традиционной аграрной периферии, житниц Херианы и Пайперта. Поэтому одной из главных житниц, кормивших Трапезунд и Константинополь, стала Зихия.

Начиная с 1266 г. торговлю зихским хлебом монополизировали итальянские купцы, вытеснившие с рынка греческих коммерсантов. Именно при итальянцах торговля зерном в Черноморье приобрела особый размах. Венецианский экспорт зерна из Зихии зафиксирован с 1265 г., когда республика Святого Марка получила доступ в Черное море. Первоначально венецианский экспорт был предназначен только для самой Венеции (организовывался на правительственном уровне и не был ориентирован на перепродажу).

В 1268 г. во время большого голода в Италии хлеб поступил именно из Черноморья. Согласно сообщению Мартино Канале, автора «Венецианской хроники», «венецианский дож и знатные венецианцы разослали корабли всюду, даже к татарам и во многие другие приморские страны, с повелением закупить хлеб и привезти в Венецию... Татары, аланы, зихи, руссы, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб венецианцам» [14, с. 94].

Особенно интенсивный характер торговля зерном приобрела в Кафе, которая являлась как бы складочным пунктом, где концентрировались грузы из зихских портов. О масштабах торговли свидетельствуют документы генуэзского нотариуса Ламберто ди Самбучето, работавшего в Кафе в 1289–1290 гг., опубликованные историком из Сорбонны Мишелем Баларом. По 16 актам за осень 1289 – весну 1290 гг. из Кафы в Трапезунд было доставлено 1303,6 тонны зерна, или по 81,5 тонны на один акт.

В XIV–XV вв. район Зихии оставался житницей как для итальянских морских республик, так и особенно для Трапезунда и Константинополя. В отдельные годы 10–15 % всего хлеба, потребляемого Генуей, привозили из Зихии. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в XIV–XV вв. именно торговля зихским хлебом была главной составляющей в генуэзском предпринимательстве в черноморском регионе. Учитывая размах и международный характер этой торговли, данное предположение не выглядит преувеличением. В XIV в. европейцы считали, что именно северо-восточное Причерноморье, и особенно Зихия, может в полной мере и устойчиво снабжать хлебом и продовольствием участников готовящегося крестового похода. Все это свидетельствует о значительности товарооборота зихского рынка.

Помимо Зихии, итальянцы в большом количестве покупали хлеб в Алании и причерноморской Татарии. По сообщению византийского хрониста Никифора Григоры, в 1343 г. во время конфликта между Золотой Ордой, Генуей и Венецией, в ходе которого почти полностью была парализована торговля Кафы и Таны, Византия оказалась в состоянии продовольственного кризиса. Лишь с большими трудностями удалось приобрести пшеницу в некоторых регионах Анатолии. Эта ситуация свидетельствует о том, что сельское хозяйство в Зихии и Татарии носило в значительной мере товарный характер и было ориентировано на внешние рынки.

Зависимость от привозного, в том числе зихского хлеба, и цены на него волновали жителей Трапезунда. Гороскоп, составленный в этом городе в 1336 г., демонстрирует большое внимание к закупкам хлеба, колебаниям цен на него и «прогнозированию» их.

В 1386 г. во время осады Кафы татарами администрация этого семидесятитысячного города сумела закупить все необходимое продовольствие в Зихии. Закупка зерна в Зихии в 1421 г. еще раз помогла Кафе выдержать очередной конфликт с Ордой.

О продовольственной зависимости генуэзских колоний от местного населения свидетельствует целый ряд документов. Так, в письме консула и массариев Кафы к протекторам банка Сан Джорджио от 6 сентября 1455 г. говорится: «Город наш не только страдает от недостатка припасов, но и терпит истинный голод... Хлеб в тех местах (Монкастро и Ликостомо) стоит 50 и 55 аспров за меру и будет стоить дороже. Урожая, собранного в Кампанье, недостаточно даже для посева, и мы его почти уже съели. А на Зихию, так же как и на Турцию, нам нечего даже и надеяться (так как эти государства нам враждебны)».

Винья писал по поводу характера генуэзских поселений: «Владения генуэзцев не распространялись далее городской черты... за которой начинались области, возделываемые аборигенами, а небольшая территория, предоставленная ими для этой цели колонистами, была по большей части расположена в гористой и неплодородной местности».

Продовольственная зависимость характеризует генуэзское и венецианское присутствие в Черноморье на всем протяжении XIII–XV вв. «В начале итальянского проникновения в Черное море, – констатировал Е.С. Зевакин, – колонии представляли из себя лишь группу домов и складов. Хлеб генуэзцы вынуждены были покупать у туземцев. Такое положение продолжалось вплоть до падения колоний. Это ясно видно из документов, которые говорят нам о полной зависимости итальянцев от туземцев в снабжении хлебом. Прекращение подвоза хлеба вызывает голод в колониях. В последний период существования колоний вокруг некоторых из них возникали земледельческие поселения. Однако они не имели большого экономического значения и не изменили общего типа колоний, имевших чисто торговый характер» [15, с. 98].

В том же духе, что и Зевакин, высказывается и Братиану. В 1474 г. Шерин бек Эминек, не получив для себя выгодную должность, запретил своим вассалам торговлю с Кафой. В результате администрация Кафы была вынуждена отправить барки в Монкастро (Аккерман – порт в Молдавии). «А еще, – писал консул Антониотто Габелла протекторам банка сан Джорджио, – в Воспоро (Керчи) и в Зихии должно быть изобилие хлеба, оттуда мы также получим его порядочно». Схожее сообщение из письма консула Джованни Джустиниани Лонго от 21 октября 1454 г.: «...в довершение всего мы опасаемся голода и в будущем году по причине плохого урожая в окрестностях» [16, с. 99].

Общее неблагополучие в хлебной торговле Черноморья наступает в период нарастания османской экспансии и в немалой степени в связи с ней.

Пчеловодство и бортничество, развитые на Западном Кавказе, давали для экспорта мед и особенно воск. Само существование генуэзских и венецианских торговых поселений в Зихии и Крыму было возможным лишь при условии их политической и экономической поддержки со стороны местного населения. Так, известно, что население Таны, расположенной на чрезвычайно плодородных землях, питалось преимущественно привозными продуктами из Зихии, в частности, из кубанской области, об изобилии хлеба, мяса и меда которой писал Иосафат Барбаро.

В обмен на экспортируемые с Северо-Западного Кавказа товары генуэзцы ввозили соль, хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, хлопок-сырец, рис, мыло, пряности, ароматические вещества, ковры, художественное стекло, керамику, ювелирные изделия, клинки сабель с выгравированными на них орнаментами. Такие сабли бережно хранили в черкесских семьях и передавали от отца к сыну.

Торговля генуэзцев с местным населением региона строилась, как это часто бывает в торговых отношениях, между странами и народами, стоящими на разных уровнях социально-экономического, политического и культурного развития. Пользуясь неискушенностью рядовых общинников в коммерции, генуэзцы навязывали свои условия торговли, устанавливая крайне низкие цены на продукты труда местного населения и высокие на импортируемые товары, в том числе и на грубые дешевые ткани и предметы потребления, которые покупал простой народ. Разница в ценах была едва ли не главным источником обогащения итальянцев. У адыгов не было альтернативы, поскольку они были изолированы от внешнего рынка, лишены возможности непосредственного контакта с ним.

Важно отметить, что товары ввозились только через Кафу. Торговля находилась под строгим контролем колониальной администрации. В соответствии с уставом жесточайшим образом регламентировалась торговля солью, крайне необходимой местным рыболовам. Никто не имел права привозить соли больше, чем она нужна была в каждом конкретном случае. Излишек полагалось привозить в Кафу или сбрасывать в море. Под угрозой конфискации запрещалось торговать рыбой и икрой до тех пор, пока консул в присутствии местного князя, члена консульского совета и местных купцов не установит официальную продажную цену на данный сезон и не поставит пробу на монету.

Все торговые сделки облагались налогами в пользу Генуи. Пошлины, штрафы за нарушения установленных правил шли в пользу консула. Значительная часть налогов сдавалась наоткуп, что стимулировало развитие ростовщичества.

Не ограничиваясь торговлей, генуэзцы предпринимали попытки организации освоения земных недр Кавказа. Была организована добыча серебра в районе Абхазии. Но ожидаемого эффекта не получилось, его запасы оказались слишком незначительными.

Не имела успеха и попытка насильственной латинизации местного населения, которая должна была, по замыслу ее организаторов, укрепить их влияние на народы Кавказа.

Хозяйствование генуэзцев и созданная ими система управления колониями были сопряжены с определенными трудностями, связанными с удаленностью кавказских колоний от метрополии. Немалый урон наносили генуэзцам и специфические условия торговли, и плавание в бассейне Черного моря: морской разбой, захват купеческих судов, опустошительные набеги на прибрежное население крымскими татарами, черкесами и турками. Пиратство достигало таких размеров, что генуэзцы вынуждены были принимать меры для защиты колоний, держать гарнизоны, снаряжать военные корабли.

В 1453 г. турки-османы завоевали большую часть территории Византийской империи и взяли ее столицу Константинополь. Это событие явилось началом ликвидации генуэзских колоний в Крыму и Северо-Западном Кавказе.

В 1454 г. турки-османы предприняли первую экспедицию в Крым и осадили Кафу. Эта осада не привела к взятию города и имела в значительной степени характер военной демонстрации. В период с 1454 по 1475 гг. турки-османы не предпринимали масштабных военных акций в Крыму и на Кавказе. Этот период характеризуется острой междоусобной борьбой в ханстве крымских татар, где активное участие принимали генуэзцы и черкесы.

В 1468 г. свергнутый хан Нур-Девлет нашел убежище в Зихии. Опираясь на поддержку местных феодалов, он продолжил борьбу за престол, но потерпел неудачу и в 1471 г. был вынужден просить помощи у генуэзцев, но те бросили его в одну из башен кафеской цитадели.

В 1475 г. еще один татарский князь Эминек, глава влиятельного рода Ширин, также бежал в Зихию. Эминек играл важную роль в крымской политике, состоял в переписке с Мехмедом II.

1 июня 1475 г. османский флот под командованием визира Кедук Ахмат-паши подошел к Кафе. На протяжении четырех дней колониальная столица подвергалась обстрелу турецкой артиллерии. Через неделю город капитулировал. Кедук Ахмат-паша пощадил жизнь консула Антониотто Габеллы, отправив его на галерную работу. Турки разорили город, конфисковали все товары, корабли и прочее имущество. На каждого жителя была наложена дань от 15 до 100 аспров.

Осенью 1475 г. турки-османы напали на Зихию. Они сумели занять Тану, Матрегу, Копу. В Копе при обороне города погиб черкесский князь. Однако утвердиться на Черноморском побережье Кавказа завоевателям не удалось. В 1479 г., согласно Ибн-Кемалю, османскому хронисту того времени, туркам пришлось повторно занимать крепости Копы и Анапа [17, с. 128].

Падение центра генуэзской торговли на Северо-Западном Кавказе еще не означало прекращения присутствия и торговли европейцев в бассейне Черного моря. Многие генуэзцы нашли пристанище в Зихии. Многочисленные генуэзско-черкесские браки привели к образованию уже в XV в. своеобразной этнокультурной общности, представители которой именовали себя черкесами-франками. В конфессиональном отношении они являлись католиками, а в культурном и лингвистическом отношении почти ни чем не отличались от черкесов. Эта общность просуществовала до середины XVII в.

Память о генуэзцах сохранилась в Черкесии до XIX в. Превосходные клинки с вытесненными на них надписями и гербами передавались из поколения в поколение и дошли до эпохи Кавказских войн. Тебу де Мариньи, посетивший Черноморское побережье Кавказа в 1818–1824 гг., отмечает, что в языке черкесов-натухайцев обнаруживаются генуэзские слова. Черкесы приписывают генуэзцам постройку башен в верховьях Кубани и Зеленчука, укреплений в районе Хумары. На реке Шебж в районе Тхамахинской возвышенности находится курган, который шапсуги называли генуэзским [18, с. 131]. В 60-х гг. XIX в. в 15 км к югу от Новороссийска на горе Нелят еще сохранялись остатки цитадели. В преданиях натухайцев она именовалась Джонуэз-кале (генуэзская крепость).

В заключении, нельзя не согласиться с выводами А.Д. Еременко о том, что на Северном Кавказе в рассматриваемый период сложилась, функционировала, а затем ушла с политической арены своеобразная цивилизационная модель развития, просуществовавшая почти две с лишним тысячи лет и имевшая свои отличительные признаки цивилизационного развития. В исследуемый период на отмеченной территории проявились свои отличительные признаки цивилизационного развития и специфические черты, главные из которых можно свести к следующим:

– разнообразные основания в ментальности этносов;

- вынужденные, но взаимовыгодные общность и взаимозависимость историко-политической судьбы и экономического развития этносов;
- взаимопереплетение культур, носящее синкретический характер;
- цивилизационные процессы происходят в сложных поликонфессиональных условиях: определенная веротерпимость и полифоничность;
- наличие сферы общих интересов и общих задач с точки зрения перспектив развития, что зачастую предопределяет континуитивный (последовательный) характер их развития;
- динамика их движения вперед, как правило, происходит по пути циклического развития;
- как пространства, подверженные сильному перекрестному влиянию, они имеют циклическую повторяемость на этапах своих поступательных движений [19, с. 21].

Двухвековое владычество генуэзцев на Северо-Западном Кавказе, как нам представляется, сыграло в целом положительную роль, принеся с собой элементы европейской культуры, тем самым приоткрыв местным народам, находившимся на более низкой стадии развития, окно на более широкий мир. Развитие торговли и товарообмена ускорило дифференциацию черкесского общества.

Прошли века, по-разному сложились судьбы народов Кавказа. Очевидным остается одно – эпоха далекого прошлого была шагом вперед в мировом цивилизационном прогрессе. Отсюда тянутся многие нити к сегодняшнему времени.

Ссылки:

1. Кудрина Т.А. Информатизация общества и культура региона // Региональные факторы развития культуры. Краснодар, 1999. С. 60 ; Иконникова С.Н. Культурное пространство России как ценность и национальное достояние // Региональные факторы развития культуры: информационный аспект. Краснодар, 1999.
2. Аникеев А.А., Лубский А.В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1997. № 3. С. 53 ; Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 56 ; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. Майкоп, 1994. С. 140.
3. Анфимов Н.В., Джимов Б.М., Емытль Р.Х. История Адыгеи с древнейших времен до конца XIX в. Майкоп, 1993 ; Барбаро Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. // Исторические записки 1940. Кн. 7 ; Зевакин Е.С., Пенчко Н.С. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // Исторические записки 1940. Кн. 7 ; Их же. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв. // Исторические записки 1938. Кн. 3 ; Кация Р.Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (кон. XIII–XV вв.). М., 1985 ; Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. Екатеринодар, 1899.
4. Зевакин Е.С., Пенчко Н.С. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. Кн. 3.
5. Кация Р.Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII–XV вв.). М., 1985.
6. Зевакин Е.С., Пенчко Н.С. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. Кн. 3.
7. Там же.
8. Там же.
9. Анфимов Н.В., Джимов Б.В., Емытль П.Х. История Адыгеи с древнейших времен до конца XIX в. Майкоп, 1993.
10. Зевакин Е.С., Пенчко Н.С. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. Кн. 3.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. Екатеринодар, 1899.
19. Еременко А.Г. Тамань в евразийском и социокультурном пространстве: проблемы формирования цивилизационной модели исторического развития: автореферат диссертации. Краснодар, 2000.

References:

1. Kudrin TA Informatization of society and culture of the region // Regional factors of cultural development. Krasnodar, 1999. P. 60; Ikonnikova SN Cultural space of Russia as a national treasure and value // Regional factors of cultural development: the information aspect. Krasnodar, 1999.
2. Anikeyev AA, Lubskiy AV Theoretical research in modern historical science and problems of studying the history of the Northern Caucasus // Scientific Thought Caucasus. 1997. № 3. P. 53; Abdulatipov RG Caucasian civilization: the identity and integrity // Scientific Thought Caucasus. 1995. № 1. Pp. 56; Bizhev AH Circassians Northwest Caucasus and the crisis of the Eastern question in the late 20's - early 30-ies of XIX century. Maikop, 1994. P. 140.
3. Anfimov NV, Dzhimov BM, Emytl BC History of Adygea from ancient times to the late nineteenth century. Maikop, 1993; Barbaro Contarini about Russia: On the history of the Italian-Russian relations in the fifteenth century // Historical Records in 1940. Kn. 7; Zevakin ES, Penchko NS From the history of social relations in the Genoese colonies in the Northern Black

Sea coast in the fifteenth century // Historical Records in 1940. Kn. 7; Zevakin ES, Penchko NS. Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the thirteenth and fifteenth centuries // Historical Records in 1938. Kn. 3; Specifications RN Italian colonies on the Black Sea coast of the Caucasus and their relations with indigenous peoples (late thirteenth and fifteenth centuries). Moscow, 1985; Felitsyn ED Some information about the medieval Genoese settlements in the Crimea and Kuban region. Ekaterinodar, 1899.

4. Zevakin ES, NS Penchko Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the thirteenth and fifteenth centuries // Historical Notes. 1938. Kn. 3.
5. Katsiya RN Italian colonies on the Black Sea coast of the Caucasus and their relations with indigenous peoples (the end of the thirteenth and fifteenth centuries). M., 1985.
6. Zevakin ES, NS Penchko Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the thirteenth and fifteenth centuries // Historical Notes. 1938. Kn. 3.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Anfimov NV, Dzhimov BM, Emytl BC History of Adygea from ancient times to the late nineteenth century. Maikop, 1993.
10. Zevakin ES, NS Penchko Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the thirteenth and fifteenth centuries // Historical Notes. 1938. Kn. 3.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Felitsyn ED Some information about the medieval Genoese settlements in the Crimea and Kuban region. Ekaterinodar, 1899.
19. Eremenko AG Taman Eurasian and socio-cultural space: problems of formation of civilization model of historical development: dissertation. Krasnodar, 2000.